

Июль выдался дождливым и пасмурным. Серое, затянутое тучами небо походило на паутину старых чувств — тугой узел из любви и ненависти, который уже не распутать.

Жуань Ихань настороженно огляделась. Рядом осталась лишь А-Ли — последняя из её преданных людей, сумевшая спастись вместе с ней. Лицо девушки осунулось, под глазами залегли темные тени.

— Старшая барышня, идите в дом, отдохните. Я всё проверила, люди семьи Цинь нас пока потеряли.

Ихань тяжело вздохнула, взглянув на разбитое лицо верной помощницы.

— А-Ли, я же просила. Не называй меня больше старшей барышней. Нет её больше.

А-Ли промолчала, но в глубине её взгляда крепла глухая, отчаянная решимость. Вышколенный телохранитель, она с детства привыкла следовать за Ихань тенью, защищая её любой ценой. Собственные раны, голод и скитания А-Ли могла стерпеть. Но падение старшей барышни и увядание старой госпожи разрывали ей душу.

Она жаждала мести. Даже если придётся отдать жизнь, она убьёт эту тварь, Цинь Хайяо. Старшая барышня носила её на руках, боготворила, отдала ей всё, что имела! А та отплатила чёрной неблагодарностью. Таких мразей нужно душить собственными руками.

Ихань слишком хорошо её знала. Прислонившись к облупившейся кирпичной стене, она достала сигарету и сделала короткую затяжку. В прищуре её темных глаз сквозила лишь глухая усталость. Наблюдая за струйками сизого дыма, она вдруг резко, прямо пальцами, раздавила тлеющий окурок.

— А-Ли, не смей к ней соваться.

Девушка упрямо закусил губу и сжала кулаки.

— Старшая барышня...

Она не смела перечить Жуань Ихань.

— Я проиграла, — тихо обронила Ихань.

У неё не осталось даже права на месть. Женщина, ради которой она когда-то жила, из-за которой была готова умереть, давно перестала быть той хрупкой, покорной девочкой, чью судьбу Ихань держала в своих руках. Теперь она сама взобралась на вершину пищевой цепочки, заняв чужое место. А у Ихань не осталось ничего.

Долго оставаться на улице было опасно. Натянув маску, Ихань дошла до ближайшей лавки, чтобы купить немного продуктов и предметов первой необходимости. Лавочник посмотрел на неё с подозрением, но, натолкнувшись на её тяжелый, острый взгляд, тут же отвёл глаза.

Изнурительная дорога подкосила здоровье бабушки. Постояв немного у двери и напустив на себя безмятежный вид, Ихань вошла внутрь.

— Бабушка, я вернулась.

— Ох, воротилась, — с трудом опираясь на клюку, из комнаты вышла пожилая женщина. Она сильно сгорбилась за последнее время, а седина почти полностью выбелила её виски.

У Ихань защемило сердце, к горлу подступили слёзы. Чтобы скрыть слабость, она поспешно уткнулась в приготовление овсяных хлопьев. Готовить она никогда не умела — в прошлой жизни всеми бытовыми мелочами занималась Цинь Хайяо.

В те счастливые дни Хайяо часто крутилась на кухне в её просторной рубашке на голое тело. Ихань с тихим смехом подкрадывалась сзади, утыкалась носом в её шею, осыпая поцелуями, а та шутливо отталкивала её.

— Ну не приставай, бабушка ждёт овсянку.

Но руки Ихань упорно скользили под ткань.

— Ты занимайся своим делом, я — своим. Кому я мешаю?

— Да куда ж ты столько сыплешь, А-Хань! Господи, оставь ты это, не переводи продукты!

Резкий стук бабушкиной трости по полу вернул Ихань к реальности. Рука её дрогнула, и брызги кипятка обожгли ладонь.

Старушка охнула, бережно отстраняя внучку от стола.

— Дай я сама. Сяо Хай нет рядом, и ты совсем расклеилась, ничего в руках не держится.

При упоминании этого имени у Ихань едва не брызнули слёзы.

Старушка тем временем принялась вытирать стол, тихо приговаривая:

— А-Хань, послушай старую. Бизнес — он как война. Сегодня ты на вершине, а завтра всё летит к чертям, дело житейское. Главное, что мы живы и мы вместе. Держись, внученька. Ты у меня одна осталась, не бросай старуху, а то мне одной страшно будет.

У Ихань перехватило дыхание, она лишь беззвучно кивнула.

— Раньше-то, вспомни, и у нас с твоими родителями всякое бывало — то взлёт, то падение. Не бери в голову. Завтра тебе тридцать исполнится. Люди из Наньяна сюда так быстро не доберутся, вот и переведём дух, отпразднуем по-семейному. Кстати... Сяо Хай приедет?

«Приедет ли она?»

Бабушке уже под семьдесят. Ихань так и не решилась рассказать ей правду — язык не повернулся признаться, что любимая невестка, которую старушка баловала как родную дочь, приложила руку к их разорению.

— Сейчас... небезопасно. Я не стала ей сообщать, — выдавила Ихань подобие улыбки.

Бабушка пристально посмотрела ей в глаза и вздохнула.

— А-Хань, вы что, опять разругались?

Не дождавшись ответа, она лишь покачала головой.

— Характер у тебя — чистый порох, мало кто стерпит. Сяо Хай к тебе со всей душой, а ты вечно вздоришь на ровном месте. Хотя... ты права. Раз сейчас кругом опасность, лучше ей сюда не соваться.

Старушка взяла чашку и, не спеша, ушла к себе, даже не дав внучке вставить слово.

Бабушка Жуань прожила долгую жизнь и повидала всякое. Раньше эти двое шагу друг без друга ступить не могли, а тут Хайяо не появлялась уже целую неделю. Некоторые вещи не нужно проговаривать вслух — страшная правда и так медленно, но неотвратимо выползала наружу.

Убежищем им служил заброшенный дом где-то на окраине, принадлежавший какому-то родственнику А-Ли. Здесь давно никто не жил: комнаты покрылись толстым слоем пыли, а по углам сиротливо висели лохмотья паутины. А-Ли порывалась прибраться, но Ихань остановила её.

— Оставь. И так сойдёт.

А ведь когда-то Ихань была до безумия брезглива и не выносила ни малейшего беспорядка. Каждую её вещь Хайяо стирала и гладила сама — бережно, вручную, оставляя на ткани едва уловимый аромат своей нежности.

Ихань опустила голову и понюхала ворот собственной куртки.

От прежнего тепла не осталось и следа. Только въевшийся за дни побега тошнотворный запах пота.

У А-Ли снова повлажнили глаза.

— Условия тут паршивые, старшая барышня, но вы потерпите немного. Я попробую подыскать жильё получше.

Ихань долго молчала, тупо глядя на тусклую, пыльную лампочку под потолком. Наконец она полезла в карман, достала банковскую карту и протянула девушке.

— Забирай.

А-Ли растерянno уставилась на пластиковый прямоугольник, решив, что хозяйка велит ей что-то купить. Но у них ведь ничего не осталось. Все счета и недвижимость семьи Жуань были арестованы судом и ждали торгов. Личные сбережения до копейки прибрала к рукам семья Цинь. Всё, чем они располагали теперь — это несколько десятков тысяч наличными.

И эта карта.

Ихань горько, издевательски усмехнулась. Это была зарплатная карта Цинь Хайяо. Пять лет Ихань свято верила, что на ней хранятся все их общие сбережения.

— Уходи, А-Ли. Я всё решила. Заберу бабушку и уеду в какую-нибудь глушь, где тише и спокойнее.

Ихань говорила тихо, не отводя взгляда от верной помощницы. А-Ли выросла вместе с ней. Она давно перестала быть просто телохранителем или водителем — она была частью семьи.

А-Ли задохнулась от подступивших слёз и сделала шаг вперёд.

— Старшая барышня!

— Я же просила: нет больше никакой старшей барышни, — мягко перебила её Ихань. — Со мной ты только пропадёшь. Уезжай. Ты молодая, вся жизнь впереди. Тебя никто не тронет, у

Циней к тебе вопросов нет.

А-Ли застыла. Она знала упрямый характер старшей барышни: если та приняла решение, спорить бесполезно. Вспомнив всё, что семья Жуань сделала для неё за эти годы, девушка лишь крепко сжала кулаки, позволяя слезам свободно катиться по щекам.

Ихань так и не сомкнула глаз до утра. Едва рассвело, она проверила бабушку, размяла ей затёкшие ноги и по привычке заглянула в комнату А-Ли. Постель была аккуратно заправлена. Пусто.

Она сама этого хотела, но когда последний близкий человек, не считая бабушки, покинул её, в груди заняло с двойной силой.

К полудню бабушка выглядела совсем бледной.

— Бабушка, я дойду до аптеки, куплю тебе лекарства от давления и тонометр.

В спешке побега они забыли половину необходимых вещей. Старушка лишь слабо махнула рукой.

— Да не нужно, обойдусь. Лекарств ещё на пару дней хватит. Ты лучше сама поменьше высывайся. Цинь Цинь — баба злопамятная, она так просто не отстанет.

Но если собственной безопасностью Ихань ещё могла пренебречь, то здоровьем бабушки — никогда.

В этом Богом забытом доме из развлечений был только старенький, потертый радиоприёмник. Когда-то Хайяо купила его, чтобы бабушка не портила глаза у телевизора, а Ихань тогда ещё подшучивала над их «стариковскими замашками». Кто бы мог подумать, что именно эту копеечную вещь старушка бережно пронесёт с собой через весь этот ад.

Перед уходом Ихань раз десять повторила, чтобы бабушка никому не открывала дверь. Старушка лишь отмахнулась от её опеки.

— Да знаю я, знаю. Иди уже, да побыстрее.

Пусть их лишили всего имущества, но старушка в глубине души радовалась одному: её избалованная, вечно ищущая приключений внучка будто повзрослела за одну ночь. Потерянные деньги и дома можно нажать снова, главное — не сломаться духом.

В аптеке Ихань долго и тщательно выбирала тонометр. Было до слёз горько ловить себя на мысли, что она, бывший президент крупной компании, когда-то швырявшаяся деньгами

направо и налево, теперь выгадывает какие-то жалкие гроши. Но на здоровье бабушки экономить нельзя. Купив прибор и несколько упаковок бинтов с антисептиком на случай, если люди из Наньяна настигнут их, она быстро расплатилась и поспешила обратно.

Но всё равно не успела.

Ещё на подходе к дому она замерла как вкопанная. У обочины стоял знакомый чёрный седан.

Его номер она помнила наизусть.

Цзин-А-5201.

Когда-то она выложила за него сумасшедшие деньги на аукционе ради красивого символизма. Смысл был прост до банальности: «Я люблю тебя, Яо».

Хайяо тогда в шутку крутила пальцем у виска, обзывая её вульгарной выскочкой. А Ихань лишь самодовольно ухмылялась, прижимала её к дивану и, глядя в самые глаза, шептала на ухо:

— И как же ты собираешься благодарить эту вульгарную выскочку за подарок?

Мотор машины был заглушен. Похоже, она ждала здесь уже давно.

Женщина, из-за которой её жизнь превратилась в руины, стояла у капота. На ней было строгое чёрное платье, длинные волосы мягкими волнами спускались на плечи. Скрестив руки на груди, она задумчиво смотрела куда-то в серое небо.

Ихань могла бы развернуться и броситься наутёк. Но в доме оставалась беспомощная бабушка, оставить её одну она не имела права. Что ж, может, оно и к лучшему. Пора положить этому конец.

От звука приближающихся шагов Цинь Хайяо вздрогнула и медленно повернулась. В её глазах — тех самых, что Ихань когда-то боготворила, — заблестели слёзы. Но Ихань смотрела на неё уже совсем иначе. В её взгляде осталась лишь ненависть. Чистая, готовая сожрать заживо.